

Дмитрий Гридин
Так

Дмитрий Гридин

Так

«Издательские решения»

Гридин Д.

Так / Д. Гридин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747615-1

В издании представлены разножанровые произведения Дмитрия Гридина, большинство из которых впервые были опубликованы в газете «СВОЯ», в которой автор работал (в 2009—2011) журналистом. Сборник включает несколько репортажей, рассказов и повесть. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-747615-1

© Гридин Д.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	8
Дочкино лицо	8
Мы остаемся..?	9
Шелковица	11
Прихехе и Бололо	15
ИГРА в поло	18
Глава 1. Отсюда	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Так

Дмитрий Гридин

*Выражаю особую благодарность депутату Государственной Думы РФ, заместителю председателя комитета ГосДумы по земельным отношениям и строительству – **Сергею Валериевичу Петрову** за понимание и финансовую поддержку в издании этой книги.*

© Дмитрий Гридин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Также благодарю **Елену и Ольгу Гридиных, Татьяну Догадину, Ирину Кухарь, Сергея Емельянова, Григория Димакова** за помощь в работе над сборником.*

*Посвящается памяти **р. Б. Анатолия***

вместо предисловия

Словно огненный жупел над нами
Разыгралось чужое Лабысло,
Энтропия его возрастает,

Пышет жаром, жжёт бета-лучами...
И не в зевгме, ни в догме нет смысла —
В них таланты и лепты сгорают.

Так! Верните мне табула разу,
Взгроможду Пелион на Оссу я!
Перейду Рубикон, пожну лавры,

Не сыграю в бирюльки ни разу,
сквозь года вещь в себе пронесу я-
Пусть поют мне акафист кентавры!

Я, возможно, давно обезличен
И нескромен в своем альтруизме,
Но ищу с фонарем Диогена

Тех, кто мудр и аутентичен,
Пребывающих в вечной харизме,
Тех, кого не дождетя геенна.

Уложу в долгий ящик Пандоры
Бред кобылий, гугнивый и хамский,
На рожон не полезу коварный.

Пусть вокруг словоблудия горы-
Как источник святой Силоамский,
Не иссякнет запас мой словарный.

Рассказы

Дочкино лицо

Федор появился на кладбище только тогда, когда гробик с Настенькой уже опустили в ямку и забрасывали какой-то пластилиновой землей. «Ежик малиновый в шубке резиновой...» – невпопад про себя пропел Федор, наблюдая, как весенний суглинок комковатой овсянкой стекает по нарядной обивке дочкиного домика. «На... На... Настюша...» – выпало изнутри, как обычно вываливалась дешевая конфетка из засаленного кармана куртки – на, дескать, вот! Мама Насти стояла спиной к могилке и курила. Федор, зацепив горсть коричневой земляной каши, не глядя, кинул ее вниз и подошел к жене. «Никаких тебе поминок!» – рявкнула она так, что даже ритуальщики вздрогнули.

«Доченьку ведь... в последний путь... надо...» – попытался возразить Федор. Татьяна резко развернулась и плюнула ему в лицо. Мужчина закрыл глаза и опустил на колени.

Могилку зарыли. Немногочисленные скорбящие гуськом потянулись к кладбищенским воротам. Федор продолжал стоять на коленях. В его памяти всплыла заученная еще в юности коротенькая молитва: «Боже, милостив будь мне грешному».

С Татьяной они сошлись десять лет назад, стали жить вместе в его Ольховецкой двушке. Оба работали: он – на заводе, она – нянечкой в садике. Поженились. Ему казалось, что даже любовь была. Через два года родилась дочка, Настенька. И вот тут произошел надлом какой-то. Федор пытался понять, почему до того спокойная и ласковая жена, вдруг стала нервной, поперечной занудой. Наверное, ее тяготили хлопоты с болезненным ребенком, необходимость каждый день после носить воду, дрова, топить печь, стирать-готовить... Федор помогал ей, конечно, мало. Оправдывал себя тем, что работа на заводе тяжелая, да еще и шабашить приходилось, чтобы лишняя копейка была. Короче, лишняя-то копейка хоть и появилась, но стала уходить, как говаривал его дед – «в корчму». Стал Федя пить сильно, крепко, беспощадно. Допился до увольнения с работы, встал на биржу. Деньги с редких подработок, да и биржевые – все пропивал. Как в тумане на сизой кляче двигался он по жизни, изредка притормаживая и вглядываясь мутными глазами в лица Тани и подрастающей Насти. Дочка росла смысленной, доброй, но болезненной. Сидела все дома на своей кровати и куколку пеленала. Услышит, как мама бранит отца, ляжет и тихонечко напевает: «Ежик малиновый в шубке резиновой, с дырочкой в правом боку...».

– Настю в Питер надо везти, операцию делать. Деньги нужны! – однажды заявила жена Федору. – Хватит пить, иди работай!

И ведь он действительно завязал, работу нашел и до зарплаты держался. Но, как только получил на руки деньги – с новой силой загудел. И понесло его пуще прежнего: из дому ушел – дверь с петель, два месяца по квартирам дружков пьянствовал, про семью даже и не думал. В начале апреля вроде чуть оклемался, вышел воздухом весенним подышать, соседку встретил.

– Феденька, горе-то какое! – запричитала та. – А ты что на вынос не пришел? Ее уже на Варбегу повезли.

Пересохло в горле, брызнуло из глаз... Пешком с Погры до кладбища на тяжелых ногах за полчаса добежал. И пока добирался, пытался дочкино личико вспомнить. Так и не смог.

Мы остаемся..?

В минувшую субботу я провожал друга. Он на две недели улетал с семьей в Португалию. Мы сидели в приличном питерском ресторане, лакомились заморскими яствами и говорили о трудностях российской жизни.

– Тут становится просто невыносимо! – утверждал друг. – Если и дальше так пойдет, нужно совсем из страны сваливать.

По его словам, такое настроение сегодня у многих его знакомых и партнеров по бизнесу. Как бы жизнерадостно ни звучали прогнозы, как бы ни улыбались Путин с Медведевым, ничего хорошего, по мнению друга, Россию не ждет.

Восьмидесятилетняя Мария Кирилловна Столярова из Лодейного Поля считает иначе:

«Сейчас-то хорошо! Не голодно. Свет есть, вода есть, сама хожу пока!» На жизнь ей вполне хватает шести тысяч пенсионных денег, из которых она еще умудряется каждый месяц выкраивать по пятьсот рубликов для двоих внуков. Саша и Рома еще не женаты, живут с отцом и матерью в Финляндии. У них там свое дело – каждый зарабатывает по нашим меркам большие деньги, но от бабушкиных переводов не отказываются. В октябре Мария Кирилловна праздновала юбилей. Внуки приехать не смогли, но прислали подарки – чайник, одеяло и открытку.

– Такие молодцы! – радуется старушка. На зиму она перебралась в город из поселка Рассвет, где находится небольшой дачный участок с домиком, построенным мужем. Алексей Петрович умер шесть лет назад. Баба Маша скучает до сих пор, каждый вечер зажигает лампадку и по памяти читает «молитовки». Она просит у Бога прощения для своего покойного супруга, милости для любимых внуков. И для доченьки, которая после смерти отца хотела отправить мать в дом престарелых:

«Там хоть за тобой уход будет!». Не согласилась Мария Кирилловна, воспротивилась: «Пока могу, сама буду за собой ухаживать!» Дочка покрутила пальцем у виска и укатила к себе в Тампере. Там у нее муж, сыновья, двухэтажный дом на берегу, прибыльный бизнес.

– Глянь-ко, – бабушка Маша раскрывает альбом с фотографиями. – Это вот Светланка моя, это мужик ейный – Матти-финн. Это внучки мои – Сашуля и Ромаша. Это домик их.

– А что, баб Мань, к себе вас не зовут?

– На кой я им там? – вздыхает старушка. – Под ногами путаться не хочу. У них ведь своя жизнь, современная. Да и с тоски я там помру, без березок своих, без грядок луковых...

Этим березкам и грядкам Мария Столярова посвящает небольшие стихи, которые, по ее признанию, «рождаются иной раз и ночью». Бывает, лежит долго, мучается бессонницей, затем встанет, пойдет на маленькую хрущевскую кухню, достанет из ящика тетрадку и пишет. В этих наивных стариковских творениях нет литературных изысков, хромают рифма и размер, но... Стихи почему-то трогают сердце.

«Стало на дворе темно уже /и фонарики зажглись, /А я все не сплю давно, вспоминаю жизнь. / Времечко стучит в часах, ходики тик-так,/ А я все смотрю в окно, не уснуть никак. / А березка машет мне ветками: „Уймись!“; / Скоро кончится твоя, баба Маша, жизнь».

А еще она заваривает удивительный чай. Что туда добавляет – секрет. Говорит только, что благодаря этому сбору силы прибавляются и тоска отступает. От моего, купленного в магазине, торта она отказывается: «Жирный слишком!»

– Нужно травки собирать и пить. Картошечку кушать, капустку, зелень, – учит Кирилловна. – Ты вот мясо ешь, да вино пьешь, а они здоровью вред чинят. Да телевизора меньше смотри, родителей люби, да людей не осуждай, да Богу молись!

На прощание баба Маша подарила мне пестрые вязаные носки. А поскольку я не собираюсь «сваливать», они мне очень пригодятся. Кирилловна сказала, зима будет долгая.

Шелковица

Сидели с двоюродным братом Романом на кухне, как водится, под «Машину времени», под рыжики важинские, картошку пидемскую да форель заяцкую... Говорили почти всю ночь о разном. Поскольку оба мы родом из СССР, вспомнили вдруг, что в этом году двадцать лет минет со дня гибели советской империи. Заностальжировали в голос: «А кино по 10 копеек? А городской парк с аттракционами и танцами под ВИА „Импульс“? А пионерский лагерь и ежегодные поездки с родителями в теплые союзные республики..?» Ощущали ли мы, тогда еще совсем пацаны, то, что принято сейчас называть «застоем»? Вряд ли. Думаю, дело даже не в том, что деревья были больше и трава зеленее, и не в том, что не было еще у нас тогда болячек и проблем. Но и не в том, конечно, что сходить на воскресную Литургию, равно как и битлов послушать, считалось идеологическим преступлением перед умом, честью и совестью. И даже не в том, что любому жителю страны советов было гарантировано бесплатное образование, жилье и рабочее место. Ведь тогда мы не могли все это ценить и оценивать в полной мере. Ощущали ли мы, чуть повзрослев, острую нехватку джинсов, жвачки, кока-колы и, слово-то какое, – свободы слова? Вряд ли. А был ли тогда, в девяносто первом, когда все привычное рушилось и ломалось, страх у нас перед неизведанным плаванием по волнам чужих реформ к дивному острову свободы – нынешней России? Может, и был, но порос быльем...

Так сидели мы на кухне и как-то даже по-стариковски охали, с тихой грустью вспоминая светлые моменты великодержавного бытия. «Машина» уже полностью отработала время своего трз, рыжики побурели, картошка счипсилась, форель уже и в рот не лезла... Традиционный пшеничный спутник душевной русской беседы, стойивший раз в десять дороже своего советского аналога, по качеству, наверное, был во столько же раз хуже. Поэтому уничтожена была вражина литровая лишь на четверть с пальцем. Братец засобирился восвояси. Переступая уже через порог, спросил:

– Шелковицу помнишь? – И ушел в утро. А на меня нахлынуло вдруг: словно накипь, наносимая этим двадцатилетием, под действием реагента откололась, сошла со спирали памяти.

Шелковица... Почти каждое лето бабушка с дедом возили нас, сопляков, к морю. Иногда путь домой пролегал через Советскую Украину, а точнее – через Полтавскую область. Понимаю теперь, что такой путь был заранее определен бабушкой, ведь мы ехали к родственникам. Но нам это преподносилось как сюрприз: «В Подпорожье через Белики поедем, там еще недельку-другую проживем». В Беликах жила бабушкина сестра Антонина с мужем, дедушкой Глебом. Баба Тоня, как мы ее звали, за свое белое происхождение и «особый» взгляд на советскую власть, при Сталине 10 лет провела в тюрьме. Удивительно, что даже лагерные годы не сломили дух Антонины Александровны. Она была красивой, веселой, до конца своих дней сохранившей благородную статью и ясный ум женщиной. Советскую власть называла явлением временным, никого и ничего не боялась, но «усатого грузина», даже после реабилитации своей и его низвержения с политического Олимпа, почему-то уважала, величала (!) «батькой» и, думаю, даже молилась за него. Однажды я застал бабу Тоню за странным занятием – она сидела на колченогой табуреточке и колола лесные орехи небольшим бронзовым бюстом генералиссимуса, приговаривая: «Твои грехи, мои – орехи». Дед Глеб был настоящим героем – в их скромной квартире на стене белой комнаты висела казачья шашка в кожаных ножнах, а в ящике комода в коробке из-под кубинских сигар лежали боевые ордена. На антресоли, в куче реликтового хлама, он хранил действующий немецкий вальтер и трехлинейный обрез. Двоюродный дедушка ростом был на голову ниже своей жены Антонины, но, как балакали соседки, «тримава її в чорному тілі» (держал в узде). Соседки просто завидовали. Глеб и Антонина были созданы друг для друга. Никогда еще, до той поры, я не видел такой любви. Думаю,

что их действительно соединил Бог. Когда в 1943 году моему деду сообщили об аресте его жены, исключили из партии, разжаловали в рядовые и послали на передовую, он в первом же бою с криками: «За Родину, за Тоню!» уничтожил «из личного оружия больше двадцати вражеских солдат и офицеров». Дед был несколько раз ранен и контужен. Домой вернулся полуглухим, но сохранившим прекрасный певческий голос. До сих пор вижу его сидящим в седле, поющим себе в усы «Іхав козак за Дунай» и всматривающимся куда-то вдаль поверх мирных сельских хат в сторону закатного запада. Правая рука деда Глеба, искалеченная осколочным ранением, изредка делала движение, сходное с тем, как воин берется за рукоять шашки. Он, невысокий и уже весьма пожилой ветеран, тогда казался мне истинным богатырем, способным уберечь не то что свою Тоню, но и всю богохранимую державу нашу. Дед был героем, инвалидом и... мужем бывшего врага народа. Ясное дело, жили трудно.

С такими родственниками не особенно забалуешь, но мы всегда с радостью ехали в украинские Белики, в гости к Антонине и Глебу. Здесь, в теперешнем поселке городского типа, задолго до революции, в год появления на свет вождя мирового пролетариата, родился православный священник, организатор массового шествия рабочих в день Кровавого воскресенья Георгий Аполлонович Гапон. В этом же местечке жил и работал венгерский революционер и писатель Мате Залка (генерал Лукач). Само поселение находится на реке Ворскла. В давние времена эта река имела другие имена. За пять веков до Рождества Христова она звалась Пантикапой, а уже Петр Первый во время Полтавского сражения, уронив на переправе подзорную трубу в реку, назвал ее «вором стекла» – Ворсклой. Легенда, конечно, как и Вытегра – «вы тигры», Винницы – «вы – ниц».

На берегу Ворсклы, и это уже чистая правда, так как дедушка Глеб был тому свидетелем, при проведении строительных работ уже в мирное время, был открыт наш солдат, очевидно засыпанный землей при взрыве бомбы. Поразительно, что этот часовой, «простоявший на посту» много лет, был словно живой. Естественно, что от взаимодействия с кислородом ткани тела стали разрушаться, но безмолвного свидетеля войны успели сфотографировать и даже хотели поставить ему памятник. Не знаю, почему я так, достаточно подробно, рассказываю об этих местах, где мне, странному патриоту, пришлось впервые испытать искреннее сожаление и горечь утраты строя, не принесшего моим близким ничего, кроме боли и страданий. Наверное и потому также, что воспоминания эти несут и первую радость искренних чувств.

Шелковица... Это, казалось бы, экзотическое растение, на листьях которого так вольготно чувствует себя китайский червячок – производитель шелка, росло во дворе Антонины и Глеба. Не знаю, специально ли подгадывала бабушка, когда везла нас в Белики, но к нашему приезду дерево (его еще называют тутовым) всегда было покрыто плодами. Темно-фиолетовые и красноватые ягоды шелковицы стали нашим излюбленным лакомством. Сладкие, с неповторимым ароматом, они сами прыгали с веток в рот. Да-да, иной раз, ударив по стволу ногой, мы ловили зрелые плоды именно так. Единственное, что огорчало в таких вкусных играх – несмываемые пятна, которые шелковичные ягоды могли оставить на одежде. Тутовое дерево было для нас источником наслаждения – мы горстями поедали мясистые плоды, прятались от солнца в зарослях его ветвей, его ствол служил стартовой площадкой для множества игр. Однажды в одну из мальчишеских забав включилась соседская девочка Софья. Двенадцатилетняя девочка была нашей ровесницей, но ни я, ни Рома не могли угнаться за ней наперегонки и в других, пацанских играх. Мы были рады новому другу и носились по двору «як божевільні» (как сумасшедшие).

Однажды, устав от беготни, решили подкрепиться шелковицей. Забравшись на ветки, втроем принялись срывать налитые ягоды. Тогда я впервые пригляделся к Софье. «Боже, да ведь это ангел! – подумалось вдруг. Конопатый ангелок с соломенными косичками, перепачканными рубиновым соком губами – Сонька очень смешно говорила. Она пыталась общаться

с нами по-русски, но постоянно переходила на мову. А мы, ну как же, почти ленинградцы, мягко поправляли ее. И этот забавный суржик, и уже начинавшие проглядывать зірки, и теплый воздух, пропитанный беззаботностью и радостью ожидания завтрашнего дня, ожидания того, что мы снова будем сидеть вместе на этом тутовом дереве, а может быть, скоро уйдем вместе в дальнее плавание, спасемся при кораблекрушении и станем жить робинзонами на острове, – все это было так здорово, что от избытка чувств я... поцеловал ангела. Софья посмотрела мне прямо в глаза, по-взрослому поправила волосы и спросила: «Ти це по-справжньому?». Я кивнул и отвернулся. Что я мог сказать? А на следующий день дедушка Глеб привел в конюшню молодого жеребца. Старая кобыла Весна уже не могла нести седока или тащить за собой тележку, на которой дед возил сахарную свеклу для перерабатывающего завода. Весну со слезами на глазах он отдал каким-то цыганам, а буланого коника поставил в денник. Мы с Софьей долго любовались этим дивным созданием, гладили и разговаривали с Вітром. Наши руки соприкоснулись в шелковой гриве жеребца. «Завтра їдете?» – спросила Сонечка. Я кивнул, нам действительно нужно было уезжать завтра. «А коли приїдете ще? Ми ще зустрінемося?» Я пожал плечами – что может зависеть от ребенка. «Це я теж по-справжньому...» – прошептала девочка и поцеловала меня в щеку и почему-то заплакала.

Шелковица... Я приехал в Белики только через пять лет, летом 1992 года, после смерти бабушки Антонины. Как раз накануне своей отправки в российскую армию. Украина была уже незалежной, всюду гордо реяли жовто-блакитні флаги, вольно выпирали со стен трезубцы, не в чести уже были ни Петр Первый, ни поп Гапон, ни генерал Лукач, пачками кочевали из кармана в карман деньги-фантики. Памятник «песчаному» часовому так и не установили, да и вряд ли уже когда... Дедушка Глеб выглядел неважно. Он молчал, когда встретил меня, молчал, когда мы шли на кладбище, молчал возле могилы любимой и дорогой Тонечки.

«Давай во дворе посидим, помянем...» – сказал он, когда мы вернулись домой. Накрыли небольшой столик, дед откупорил поллитровку горилки, нарезал лука и открыл банку тушенки. «Скудно... – тихо произнес он. – Скудно совсем стало». И снова замолчал. Мы выпили и закусили. Затем еще. И вдруг ветер донес до меня знакомый аромат. Ну, конечно, это тутовое дерево осторожно вмешалось в наши беззвучные поминки. «Дед, а Софья еще здесь живет?» – спросил я. Герой войны глянул в сторону и помотал головой. «А где?» Он снова мотнул. «А где она, что с ней?» Дед отвернулся и принялся набивать трубочку. Я ждал и не отрываясь наблюдал, как калечными пальцами ветеран вталкивает в жерлице горький табачок. Он закурил и медленно начал рассказывать: «Софья все русский язык учила, как вы уехали. Школу закончила, поступила во Львове в педучилище. Хотела учительницей быть... На танцы пошла с подружкой... Там их какие-то западняне поймали, да избили за то, что на москальской мове говорили. Подружка легко отделалась, а Софья в больнице незадолго до Тонюшки померла». Костлявой шелковичной ягодой встал в горле моем комок. «Гибнет все, Дмитро, гибнет... – продолжал дед. – Выпей вот». Я опрокинул в себя рюмку свекольной горилки. «И закуси добре, конинкой... То ж мой Ветер в банке-то, коник мой в банке... Время-то какое настало... Коня едим, своими руками я...» – дед уже рыдал вовсю. Я бросился к шелковице... Под ее раскидистой кроной меня долго рвало, слезы лились градом... Градом падали и ягоды на светлую рубашку, оставляя несмываемые кровавые пятна, оставляя следы, проникающие сквозь одежду и кожу – прямо в душу.

Прихехе и Бололо
(Баечки о дружбе. Создавались, как литературная
основа для серии коротеньких мультиков).

Однажды встретились Прихехе и Бололо. Оба домой с работы возвращались.

– Ага! Вот те на!

– Ого! Ну и ну!

– Как сам?

– Да все так же...

И так долго они беседовали, что уже и домой не пошли, а сразу опять на работу. Ну, ничего: с другом и разговор – отдых!

Однажды у Прихехе и Бололо были именины.

– Давай до пятницы подождем?

– Долго ждать!

– Может в четверг?

– Именины ведь!

Отметили в понедельник, а во вторник вспомнили, что на среду договорились. Ну, ничего: с другом и суббота – воскресенье!

Однажды были выборы. Прихехе за Зюганова голосовал, а Бололо – за Жириновского.

– Коммунисты – это сила!

– ЛДПР – наша надежда!

- За социальное равенство!
- За либерализм и демократию!

Пришли домой, телики включили, а там единая Россия. Ну, ничего: с другом и Путин – президент!

Однажды купил Прихехе машину. Бололо обрадовался:

- Дай прокатиться?
- У тебя ведь прав нет!
- А я тихонько!
- Ладно, на!

Поехали они, да перевернулись. Ссадины, ушибы, машина – в хлам. Ну, ничего: с другом и корыто – карета!

Однажды было лето. Прихехе в Грецию собрался, а Бололо – в Италию.

- Метакса, сиртаки, фетакса...
- Монтепульчано, пицца, ризотто...
- Эфхаристо! Андио!
- Пер фаворе! Арриведерче!

Улетели оба, а на следующий день в Ялте на пляже встретились. Ну, ничего: с другом и Крым – наш!

Однажды Прихехе и Бололо играли в футбол. Один на воротах, другой в нападении.

- Бей, мазила!
- Держи крученный!
- Оле-оле-оле-оле!
- Судью – на мыло!

Прихехе ни одного мяча не пропустил, а Бололо ни одного не забил. Ну ничего: с другом и 0:0!

Однажды у Прихехе и Бололо дети родились. У одного девочка, у другого – парень.

- Я свою Снежанной назову!
- А я своего – Антуаном!
- Не, Джессика – лучше!
- Пожалуй, Леонардо – красивее!

А жёны уже все давно решили – Александрями детей назвали. Ну, ничего: с другом и Авдотья – Степан!

Однажды Прихехе заболел. А Бололо его навестил:

- Что случилось? Как ты?
- Заболел, кхе... Плохо, ах!
- Лечись! Хорошо?
- Хорошо, кхе... Спасибо, ох!

Лечился Прихехе и выздоровел, а Бололо наоборот, прихворал. Ну, ничего: с другом и кашель – песня!

Однажды Прихехе и Бололо поссорились. Не встречались, не созванивались.

- ...
- ...
- ...

– ...

Потом все-таки созвонились, встретились, да так поговорили, что опять поругались. Ну, ничего: с другом и ссора – к миру!

Однажды Прихехе и Бололо умерли. Что делать – не знают.

– Умерли мы. Как быть?

– Посмотрим. Может, обойдется.

– А вдруг в Ад попадем?

– Лучше бы в Рай!

Сидят на облачке, переживают. Подходит к ним Апостол Петр и говорит:

– Вы, ребята, Рая пока не достойны. Но, поскольку дружба у вас очень крепкая, то ступайте обратно на землю и только добрыми делами занимайтесь.

Еще пять лет им Апостол дал. Ну, ничего: с другом и минута – век, и на земле – Рай!

ИГРА в ПОЛО Повесть

Вижу, словно в камере обскура:
Жизнь проходит задом-наперед...
Не берет меня ни штык, ни пуля-дура,
Даже злая водка не берет...
С каждым часом я все молодею,
Изменяюсь прямо на глазах...
Долго я вынашивал идею —
Стать Вождем Великих Черепах...
Митридат МакГрин (Книга Песен)

Глава 1. Отсюда

– Как всегда, пожалуйста – Владимир Степанович протянул контролерше пятитысячную купюру.

– До Лодейки? – уточнила женщина.

– Угу... – буркнул Степаныч и принялся разглядывать сотрудницу железной дороги.

На вид – около сорока, мелированная, выпивает, дочку (!) растит, любит тефтели (?) и Пет-росяна (ну, это 100%), мужика нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.